

Ludmiła Łucewicz

Идея всеславянского единства и Первый Славянский конгресс в "Исповеди" Михаила Бакунина

Acta Polono-Ruthenica 20, 67-74

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Ludmiła Łucewicz
Uniwersytet Warszawski

Идея всеславянского единства и Первый Славянский конгресс в *Исповеди* Михаила Бакунина

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876)¹ – один из самых радикальных русских мыслителей и деятелей XIX века, на протяжении всей своей жизни превыше всего ценил свободу, причем общечеловеческую не в меньшей степени, чем свою личную: „Искать своего счастья в чужом счастье, своего собственного достоинства в достоинстве всех меня окружающих, быть свободным в свободе других, – вот вся моя вера, стремление всей моей жизни” (1851)²; „Я становлюсь свободным лишь благодаря свободе других, так что чем больше количество свободных людей, окружающих меня, чем глубже и шире их свобода, тем распространённее, глубже и шире моя свобода” (1870)³. Именно пафос и интересы свободы бросили аристократа, философа-гегельянца в пламя европейских революций (Париж и Прага, 1848 г., Дрезден, 1849 г.). Бакунин был арестован, приговорен к смертной казни в Саксонии, в Австрии, а затем передан российским властям, упекшим его сначала в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, а с 1854 г. в Шлиссельбургскую. Однако после восьми лет, проведенных в одиночной камере, узник сумел

¹ См. обзор научной литературы и библиографию [в:] А. Kamiński, *Apostol prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michaila Bakunina*, Akademia Ekonomiczna im. Oskara Langego, Wrocław 2004, с. 7–38; 406–463. Исследователь создал богато документированную биографическую трилогию, посвященную жизни и деятельности русского революционера. Два первых тома уже увидели свет, третий в печати. См: А. Kamiński, *Michail Bakunin. Życie i myśl*, t. 1: *Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848)*, Uniwersytet Ekonomiczny, Wrocław 2012; idem, *Michail Bakunin. Życie i myśl*, t. 2: *Podpalacz Europy (1848–1864)*, Uniwersytet Ekonomiczny, Wrocław 2013. См. также сайт <<http://bakunin.pl/>>. На родине Михаила Бакунина, в селе Прямухино Тверской области, с 2001 г. проходят ежегодные конференции „Прямухинские чтения”, по итогам которых вышли сборники, доступные на сайте <<http://bakunin-fund.hut2.ru/>>.

² М.А. Бакунин, *Исповедь*, „Азбука-классика”, Санкт-Петербург 2010, с. 106. Далее цитируется данное издание с указанием номера страницы в тексте в скобках.

³ М.А. Бакунин, *Кнутагерманская империя и социальная революция*, [в:] idem, *Избранные сочинения*, т. 2, К „Голос труда”, Петербург – Москва 1919, с. 295. Проблема свободы затронута Бакуниным также в работах: *Реакция в Германии* (1842), *Русским, польским и всем славянским землям* (1862), *Принципы и организации Интернационального революционного общества* (1866), *Программа Общества Международной революции* (1866–1868), *Федерализм, социализм и антитеологизм* (1867), *Наука и народ* (1868), *Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель* (1868–1869), *Всестороннее образование* (1869), *Наука и насыщенное революционное дело* (1869), *Бернские Медведи и Петербургский Медведь* (1870), *К офицерам русской армии* (1870), *Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке* (1870–1871), *Первый опыт социальной революции* (1871), *Государственность и анархия* (1873).

убедить Александра II изменить ему наказание (к тому времени, действительно, был очень болен: цинга – выпали все зубы, опухло лицо; открывалась чашотка): перевести его из крепости в ссылку в Сибирь, фактически дать свободу. А из Сибири фантастическим образом через Японию он сумел бежать в Америку, а затем пароходом в Европу, в Англию под опеку Александра Герцена. Здесь вновь включился в революционно-демократическую борьбу, которую продолжал до конца своих дней.

В 1851 г., после двух месяцев отсидки в Алексеевском равелине, Бакунину – государственному преступнику № 1, было передано предложение первого лица империи – Николая I, написать чистосердечные признания так, „как бы вы говорили со своим духовным отцом” (с. 25), то есть исповедь. Бакунин принял императорское предложение: „я буду исповедываться Вам как духовному отцу” (с. 25), и в течение месяца написал свое „покаяние”.

*Исповедь*⁴ Бакунина принадлежит к разряду не только личных документов, но и документов исторических, политических, публицистических (аналоги в XIX в. – это исповеди Василия Кельсиева, Петра Лаврова; в XX отчасти – Бориса Ельцина: *Исповедь на заданную тему*, 1990; Бориса Немцова: *Исповедь бунтаря*, 2007). В бакунинской *Исповеди* существенное значение имели проблемы современной ему европейской политики. В ряду этих проблем особое место занимали описание деятельности Первого Славянского конгресса (1848) и идея всеславянского единства, которая буквально захватила, очаровала и покорила в тот момент русского революционера.

Напомню, что впервые *идея всеславянского единства* была высказана хорватским мыслителем, богословом, лингвистом Юрием Крижаничем (1617–1683) в XVII в. Европейски образованный Крижанич в зрелом возрасте появился на Руси, где выступил перед царем Алексеем Михайловичем с предложением единения славянских народов под эгидой Русского Царства. Правда, он ратовал еще и за унию католической и православной церковей; за это поплатился шестнадцатилетней ссылкой в Тобольск. Там он написал свои замечательные труды по истории и политике, там же попытался впервые создать на основе русского единый славянский язык: *Грамматическое изыскание о русском языке (идея всеславянского языка)*, 1666 г.⁵ Как это ни удивительно, но идеи Крижанича, касающиеся всеславянского языка и единства славян, не погибли в Тобольске, а получили дальнейшее воплощение. Как отмечал Роман Якобсон: „в XVIII в. его примеру последовал словенец Б. Кумездей (1738–1805), а в XIX в. – хорват Й. Вольтиджи и словак Я. Геркель, целью которого было «Unio in Litteratura inter omnes Slavos, sive verus Panslavismus»

⁴ См. опыт новой интерпретации: Ю.А. Борисенко, *Чертво колесо. Современный взгляд на „Исповедь” Бакунина Николаю I*, „Родина” 1997, № 12, с. 44–50; Ю. А. Борисенко, *Михаил Бакунин и „польская интрига”: 1840-е годы*, РОССПЭН, Москва 2001.

⁵ См. о нем: А. И. Маркевич, *Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Историко-литературный очерк*, „Варшавские университетские известия”, Варшава 1876, № 1, с. I–X, 1–122; № 2, с. 1–103; Л. Н. Пушкарев, *Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества*, отв. ред. В.И. Буганов, „Наука”, Москва 1984.

[единение в литературе между всеми славянами, или истинный Панславизм]”⁶. С тех пор идея всеславянского единства время от времени актуализируется и приобретает особую остроту⁷. В качестве ее синонимов выступают понятия „панславизм”, „всеславянство”, „славянская взаимность”, „славянское единство”, „славянское братство”, „славянская солидарность” и др. Какого-либо единого толкования понятий не было и нет. Представители славянских народов, так называемые „общеславянские” мыслители часто оперировали понятием „славянство”⁸, но трактовали его произвольно, порой метафорически. Нет и единого подхода к „славянской идее”. Лидеры каждого славянского народа, исходя из своей истории, своего геополитического положения и интересов на разных этапах существования и развития, то уповали на „славянскую идею”, то отвергали ее. Странники идеи также не отличались единством: 1) одни видели в ней возможность сохранения политических и/или культурных связей с Россией; 2) другие, наоборот, стремились к объединению славянских народов в противовес России.

Первая панславистская программа в России была создана в Обществе соединенных славян (1823–1825), слившимся впоследствии с декабристами⁹. Своей ближайшей целью Общество считало ликвидацию в России самодержавия

⁶ Р. Якобсон, *Работы по поэтике*, „Прогресс”, Москва 1987, с. 66. Ян Геркель ввел в словоупотребление понятие „панславизм” в 1826 г.

⁷ Эта проблема постоянно привлекает внимание исследователей. См.: *Славяне и Россия: сборник статей к 70-летию со дня рождения С. А. Никитина*, „Наука”, Москва 1972; *Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина*, „Тезаурус”, Москва 2013. *Россия и славяне: Политика и дипломатия. Материалы международной научной конференции „Россия и славяне XVIII в. – 1918 г.”*, Балканские исследования, вып. 15, „Наука”, Москва 1992; В.А. Дьяков, *Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России*, „Наука”, Москва 1993; *Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX в.*, Институт славяноведения и балканистики РАН, Москва 1992; *Славянские съезды XIX–XX вв.*, отв. ред. М. Ю. Досталь, Москва 1994; *Славянский вопрос: веки истории*, Институт славяноведения и балканистики РАН, Москва 1997; *Славянская идея: История и современность*, Институт славяноведения и балканистики РАН, Москва 1998; *Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения*, отв. ред. М.Ю. Досталь, Международная ассоциация писателей баталистов и маринистов, Москва 1998; Б.А. Прокудин, *Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития*, автореф. канд. полит. наук, Москва 2007; А.А. Григорьева, *Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века)*, „Аспирант”, Иркутск 2013.

⁸ См.: Л. Штур, *Славянство и мир будущего*, Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, Москва 1867, а также некоторые современные переиздания: К.Я. Грот, *Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете*, „КомКнига”, Москва 2005; К.Н. Леонтьев, *Византизм и славянство*, „Азбука-классика”, Москва 2007; А.Ф. Гильфердинг, *Россия и славянство*, Институт русской цивилизации, Москва 2009; Ю.И. Венелин, *Истоки Руси и славянства*, Институт русской цивилизации, Москва 2011; О.Ф. Миллер, *Славянство и Европа*, Институт русской цивилизации, Москва 2012. В современном понятийном словоупотреблении точности по-прежнему нет. См. например: „славяне (славянство) являются объединительным началом для разных этносов, народов, народностей. Такое объединение славян происходит по следующим признакам: Признак 1. Родственность языка; Признак 2. Общность происхождения; Признак 3. Объединённость различных племён в русле одного явления – славянства” – А.А. Тюняев, *История возникновения мировой цивилизации (системный анализ)*, Москва 2006–2009, [online] „Организмика” 2013, № 4 (120), <www.organizmica.org/index.html> (доступ: 7.07.2013).

⁹ Лидеры Общества соединенных славян: юнкер Петр Борисов, польский студент Юлиан Люблинский, офицер Иван Горбачевский; главный документ Общества – „Записки” И. Горбачевского.

и крепостничества, установление республики, восстановление независимости Польши; а конечной – „объединение всех славянских народов в одну демократическую республиканскую федерацию”¹⁰. В Европе актуализация идеи славянского единства началась на рубеже XVIII–XIX вв. среди западных и южных славян, когда начался процесс национального самоосознания и самоопределения славян, живших в пределах Османской и Австрийской империй. В 40-е гг. XIX в. сторонники славянской идеи выступили с призывом созвать общеславянский съезд.

В 1848 г. в Праге по инициативе австрийских чехов и словаков (Павел Шафарик, Иосиф Елачич, Франтишек Палацкий) со 2 по 12 июня был проведен первый международный славянский конгресс. Участники – славяне Австрийской империи, поляки и приглашенные гости из других славянских стран. Председателем конгресса был избран историк, философ, эстетик Франтишек Палацкий, а основной целью поначалу мыслилось волеизъявление славян на ограничение германского господства в славянских землях Австрийской империи. (В конечном счете славяне ничего не выиграли; в 1867 г. на развалинах Австрийской возникла не славянская, а Австро-Венгерская империя).

У Бакунина приглашения не было, но он прибыл в Прагу и принял самое активное участие в конгрессе. Впервые, как свидетельствует *Исповедь*, в душе его пробудились славянские чувства и захлестнули его настолько, что заставили даже на время позабыть об интересах западно-европейского революционно-демократического движения, которому он еще ранее решил посвятить жизнь (с. 73). Целый ряд фактов, событий, идей, оценок, связанных с Первым славянским конгрессом, получили яркое отражение в *Исповеди*. Автор описывает предысторию („происхождение”) конгресса и сам конгресс: его структуру, раскладку политических сил и интересов, борьбу партий, сосредоточивается на национальном противостоянии немцев и славян, дает яркие зарисовки различных национальных типов. Подробно излагает содержание многочисленных выступлений, дискуссий, в которых принимал участие, при этом указывает на две глобальные цели, которые он преследовал как участник конгресса: 1) „совершенное разрушение Австрийской империи” (с. 85); 2) „главная цель моя была найти в соединенных славянах точку отправления широкой революционной пропаганды в России, для начала борьбы” против русского царя (с. 86); „я хотел революции в России” (с. 92); „я желал республики” (с. 103).

В рамках небольшого выступления невозможно затронуть те разнообразные проблемы, темы, нюансы, которые привлекли внимание русского демократа, поэтому отмечу лишь некоторые.

1. Что касается истории „происхождения” конгресса, то здесь Бакунин обращает внимание в первую очередь не на политическую, а на культурную, литературную и лингвистическую составляющие в национальном самоопределении славян. Он подчеркивает, что в Праге издавна существовал „ученый литературный круг”,

¹⁰ М. В. Нечкина, *Декабристы*, „Наука”, Москва 1982, с. 100.

главная цель которого состояла в „сохранении, поднятии и развитии чешской литературы, чешских национальных обычаев, а также и славянской национальности вообще, подавляемой, стесняемой, презираемой немцами [...] и мадьярами” (с. 74). Литературный кружок „находился в живой и постоянной связи с подобными кружками между словаками, хорватами, словенцами, сербами, даже между лужичанами в Саксонии и Пруссии и был, как бы сказать, их главою” (с. 74). В качестве „предводителей славянской пропаганды” (с. 75) выступали не политики, а ученые-слависты, историки, философы, поэты, писатели, священники: чешский историк, философ, эстетик – Франтишек Палацкий, чешский ученый-лингвист, один из основателей славяноведения – Павел Шафарик, их общий близкий друг, переводчик, славист – граф Иосиф Тун, чешский ученый и поэт – Вацлав Ганка, чешский писатель-священник – Ян Коллар, словацкий писатель – Иосиф Гурбан, словацкий поэт, филолог – Людовит Штур и др. С середины 40-х гг. этот „невинный литературно-ученый кружок расширился, укрепился, охватил и увлек за собою всю молодежь, пустил корни в народные массы, – и литературное движение превратилось вдруг в политическое. Славяне ожидали только случая, чтобы явить себя миру. В 1848-м году этот случай обрелся” (с. 75). Явлением славян миру и стал Первый Славянский конгресс.

2. Бакунин описывает структуру конгресса и определяет свое положение в ней. „Конгресс состоял из трех отделений: Северное, в котором были поляки, русины, шлензаки (силезцы); Западное, состоявшее из чехов, моравов, словаков, и Южное, в котором заседали сербы, хорваты, словенцы и далматы” (с. 78). Сам Бакунин „вступил в Северное, то есть в польское отделение” (с. 79). При вступлении он произнес краткую, но вдохновенную речь, где особо подчеркнул, что Россия отторглась от славянства в результате „порабощения Польши”; вина России усугубляется тем, что она предала Польшу „в руки немцев, общих и главных врагов всего славянского племени”. Для того, чтобы „возвратиться к славянскому единству и братству”, Россия должна освободить Польшу. Это одна из важнейших современных задач, поэтому место Бакунина на „славянском конгрессе должно быть между поляками”. Поляки восприняли эту речь с воодушевлением и даже выбрали Бакунина „депутатом в южно-славянское отделение” (с. 79).

3. На съезде столкнулись сторонники разных концепций славянского единения. Бакунин, анализируя сложившуюся ситуацию, обнаружил такой расклад сил.

а) Ряд славянских деятелей поддерживал давнюю идею Крижанича о политическом, культурном и языковом объединении славян под эгидой России (в 20-е гг. ее развивал Йозеф Добровский, в 30-е – Йозеф Юнгман, в 40-е – Людевит Гай (потом он изменил свою позицию). Бакунин констатировал: „известно, сколь глубоки и сильны симпатии славян к могучему русскому царству, от которого они надеялись опоры и помощи” (с. 75).

b) Категорически не принимали российское главенство чехи – сторонники австрославизма, объединившиеся на съезде вокруг Франтишка Палацкого – одного из творцов и идеологов австрославизма. Так называемая „чешская партия” связывала идею славянского единства с австрославизмом, то есть с созданием сильной федерации славян, австрийцев и венгров. Франтишек Палацкий выразил свою позицию на конгрессе так: „Мы хотим попытаться совершить кунштюк (фокус, трюк) – оживить, исцелить и укрепить глубочайшим образом потрясенную австрийскую монархию на нашей славянской почве и с помощью нашей славянской силы” (с. 77). Бакунин считал, что чешская партия намеревалась превратить „австрийскую монархию из немецкой в славянскую” (с. 77), „хотела... устроить в свою пользу нечто вроде чешской гегемонии и утвердить между самими славянами преобладание чешского языка, чешской национальности” (с. 77). Эта позиция чехов „встретила сильное сопротивление в словаках, в шлензаках (силезцы), более же всего в поляках” которые „приехали в Прагу совсем не для того, чтобы покориться чехам, ... а ... в надежде найти тут опору и помощь для своих особенных национальных предприятий” (с. 77–78).

с) Среди поляков издавна существовали как пророссийские настроения, так и мощные антироссийские, представители которых считали, что главную роль в объединении всех славян должна сыграть Польша¹¹. Как свидетельствует Бакунин: с самых первых дней началась борьба между руководителями делегаций, „сильнее же всех борьба между поляками и чехами, между поляками и русинами” (с. 78).

d) Южные славяне, как заметил Бакунин, в дебатах не участвовали, бряцали оружием, „занимались исключительно приготовлениями к венгерской войне, уговаривая и прочих славян отложить все внутренние вопросы до совершенного низложения мадьяр” (с. 78).

Желаемого славянского единения на съезде не произошло. „Одним словом, – резюмировал Бакунин, – все тянули на свою сторону и все желали сделать себе из других скамью для своего собственного возвышения; более всех чехи, избалованные инсбрукскими комплиментами, а потом и поляки, избалованные не судьбою, но комплиментами европейских демократов” (с. 78).

e) Русских на конгрессе было всего двое: Бакунин и некий монах – инок Алимпий Милорадов – „из старообрядческого монастыря”. Бакунин даже намеревался использовать его в своих целях: „Я не скрою [...] мне приходило на мысль употребить этого попа на революционерную пропаганду в России. Я знал, что на Руси много старообрядцев и других расколов, и что русский народ склонен к религиозному фанатизму. Поп же мой был человек хитрый, смысленный, настоящий русский плут и пройдоха, бывал в Москве, знал много о старообрядцах да

¹¹ См.: W. Wisłocki, *Kongres słowiański w roku 1848 i sprawa polska*, „Rocznik Zakładu Narodowego im. Ossolińskich”, t. 1–2, Lwów [1928]; A. Leśniewski, *Bakunin a sprawy polskie w okresie Wiosny Ludów*, Łódzkie Towarzystwo Naukowe, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1962; „Anarchistyczne Archiwa” 2006, [online] <www.rozbrat.org/bakunin/art_ylac_01.htm>; В. Дьяков, *Поляки на Славянском съезде 1848 г.*, [в:] *Славянское движение XIX–XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения*, с. 49–56.

и о расколах вообще в русской империи [...] Но я не имел времени заняться им, сомневался отчасти в нравственности такого сообщества, не имел еще определенного плана для действия, ни связей, а главное не имел денег; без денег же с такими людьми и говорить нечего” (с. 80). Так что союз русского революционера с попом не состоялся. Что касалось русских радикалов 40-х гг., к которым принадлежал Бакунин, то у них идея славянского единства носила явно революционную окраску. Причем, если Александр Герцен видел будущее славянского мира в свободной федерации, ядром которой ему представлялась Россия, свободная от крепостничества и самодержавия, то Бакунин шел значительно дальше в своих проектах: на конгрессе он горячо убеждал славян в необходимости разрушить все империи, где проживают славяне, – Османскую, Австрийскую, Российскую. И на их развалинах построить Великую вольную славянскую федерацию со столицей в Константинополе (с. 101–102). При этом отношение Бакунина к современной России в ее притязаниях на всеславянское господство было резко отрицательным. В *Исповеди* он пишет: „ошибаются и те, которые для восстановления славянской независимости надеются на помощь русского царя [...] Император Николай не любит ни народной свободы, ни конституций: вы видели живой пример в Польше” (с. 83). Бакунин разоблачает практику русского правительства, которое с помощью своих агентов, разосланных в славянские земли, распространяет панславистскую идею „приближающегося будто бы освобождения всех славян могучею силою русского царства” (с. 83). Бакунин указывает на имперские вождедения правительства: „не сомневаюсь, что оно видит в [...] будущности Момент, когда все славянские земли войдут в состав Российской империи” (с. 83). Но современная Россия, предостерегал Бакунин, – это „тюрма”, „гроб всякой народной жизни и всякой свободы” (с. 84). Обращаясь на съезде к славянам, он говорил: „вы хотите жизни, а там мертвое молчанье, требуете самостоятельности, движенья, а там механическое послушание, желаете воскресенья, возвышенья, просвещенья, освобожденья, а там смерть, темнота и рабская работа” (с. 83). Бакунин отмечает, что, конечно, „без России славянское единство неполно и нет славянской силы; но безумно было бы ждать спасенья и помощи для славян от настоящей России” (с. 84). В сложившихся условиях Бакунин советует славянским народам объединиться сначала „вне России”, стать „освободителями российского народа, который в свою очередь будет потом вашей силою и вашим щитом” (с. 84).

В конечном счете в своей общей оценке славянского конгресса Бакунин, с одной стороны, отметил его важность, правда, в исповеди, обращенной к русскому царю, он ограничился лишь эмоциональной констатацией: „это было первое свидание, первое знакомство, первая попытка соединения и уразумения славян между собою” (с. 74); с другой стороны, он указал на ничтожную практическую значимость съезда: „что же касается до самого конгресса, то он, равно как и все другие современные конгрессы и политические собрания, был решительно пуст и бессмыслен” (с. 74). Эти оценки, представленные в *Исповеди* в 1851 г., конечно, отличаются от тех, которые давал Бакунин конгрессу в 1848 г. Тогда он был

воодушевлен и охвачен новой идеей всеславянского единства, в 1851 г. – он узник, обреченный на смерть. И все же в *Исповеди*, обращенной к императору, мы видим не раскаяние и смирение, а смелое и честное признание – если даже ни пропаганду революционно-демократических убеждений (важен принцип „автоцитирования”). Кажется, именно эта откровенность „заворожила” и подкупила „духовного отца” – Николая I, а „духовному сыну” – Бакунину, спасла жизнь. Сама же идея славянского единения станет на многие годы одной из излюбленных у русского анархиста.

Streszczenie

Idea słowiańskiej jedności i Pierwszy Kongres Słowiański w „Spowiedzi” Michaiła Bakunina

Tematem niniejszego artykułu jest *Spowiedź* – unikatowy osobisty i historyczno-polityczny dokument Michaiła Bakunina. Jeden z czołowych rosyjskich heglistów, radykalny myśliciel, światowy symbol anarchizmu napisał go w Twierdzy Pietropawłowskiej, gdzie był więziony jako zbrodniarz stanu na żądanie cara Mikołaja I. W artykule przeanalizowano 1) ideę słowiańskiej jedności – tak jak ją rozumiał Bakunin wzywający do zniszczenia istniejących imperiów, w których żyli Słowianie: osmańskiego, austriackiego, rosyjskiego, a następnie do stworzenia na ich ruinach Wielkiej Wolnej Słowiańskiej Federacji ze stolicą w Konstantynopolu; 2) problemy, na które zwrócił uwagę Bakunin w związku z organizacją i przeprowadzeniem Pierwszego Kongresu Słowiańskiego w Pradze w 1848 r. (geneza, czynnik kulturowy, struktura, rozkład sił politycznych, walka między partiami, konflikty narodowe itp.); 3) krytycyzm wobec współczesnej mu Rosji, jej ambicji panslawistycznych, negatywną ocenę, jaką myśliciel wystawił Kongresowi.

Summary

An idea of all-Slavic unity and First Slavic Congress in “Confession” of Mikhail Bakunin

In the spotlight of the author there is a Confession of Mikhail Bakunin that is the unique personal, historical and political document. The letter was created by the prisoner of the Petropavlovsk fortress, state prisoner, and in the past one of the most committed Russian philosophers-Hegelians on the demand of the emperor Nikolay I. In the article it is considered: 1) an idea of Slavic unity, as it was understood by the Russian radical thinker; it was aimed to complete the destruction of all existing empires where Slavs lived: Ottoman, Austrian, Russian; and create the Great free Slavic federation on their ruins, with the capital in Constantinople; 2) the problems, considered by Bakunin in connection with organization and realization of the First Slavic Congress in Prague in 1848 (prehistory, cultural constituent, structure, lay-out of political forces and interests, fight of parties, national opposition); 3) the negative attitude of Bakunin towards modern Russia and her claims on all-Slavic domination; as well as the general negative opinion about the Congress.

Key word: Mikhail Bakunin, *Confession*, First Slavic Congress.